

«КАВКАЗСКИЙ СЛЕД» КАК «ЗНАК» «МОСКОВСКОГО ТЕКСТА»: ЧУВСТВО, ОЩУЩЕНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

Перинец Е. Ю.

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языковой подготовки ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»

Ключевые слова / keywords: постмодернизм / postmodernism, «московский текст» / «Moscow Text», топография / topography, знак / sign

Творчество современного русского писателя В. С. Маканина, который дебютировал на литературной сцене в 1967 году с романом «Прямая линия», остаётся актуальным и перспективным. Хотя о В. Макаanine написано много работ, но литературоведы затрудняются однозначно отнести его творческую манеру к определённому периоду, так как «этот писатель оказался «неправильным» сыном постмодернизма, ибо упрямо демонстрировал и демонстрирует свою пуповинную связь с традициями русской классики, на которых «настояно» его творчество» [2, с. 357]. В то же время В. Г. Бондаренко, анализируя феномен творчества многих писателей 70-х годов прошлого столетия, выдвигает определение «сорокалетние», где доминантными становится время вхождения в литературу и позднее творческое созревание [1, с. 13]. В этот круг писателей «сорокалетних» относится и фигура В. Маканина. М. Селеменова дополняет данную концепцию тезисом о том, что стержневым компонентом творчества «сорокалетних» является городская проза [4, с. 357]. В диссертации исследовательницы, где основное внимание уделяется произведениям В. Трифонова и выделению в них «московского текста», отдельная часть посвящена анализу некоторых работ В. Маканина, в которых писатель, по мнению М. Селемёвой, продолжает традиции трифоновской школы и представляет свой вариант «московского текста».

Роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) можно назвать в некото-

ром смысле итоговым произведением прозаика, в котором нашло отражение и пересеклось многообразие тем, проблем, идейных установок и типов героев. Огромная смысловая насыщенность текста В. Маканина не осталась незамеченной критикой, о чём свидетельствует множество работ таких учёных как О. Калашниковой, М. Левиной-Паркер, А. Немзера, С. Переваловой, К. Степаняна и др.

Приём ретроспекции позволил автору охватить различные временные границы: от детства главного героя Петровича до настоящего момента (1990-х годов), что обнажает проблемы и перемены в обществе и стране за это время.

Но топос разворачивания событий остаётся неизменным – это Москва, столица России (за исключением нескольких воспоминаний из детства, когда герой жил на Урале). В то же время в романе нет целостного образа большого города, события разворачиваются в общежитии, в больнице, в квартире или на определенном участке улицы. Московская топография представлена локально, но довольно широко.

Кроме топографии столицы «московский текст» романа оформляют также типизированные герои и персонажи. В этой статье нас будут интересовать жители маканинской столицы, в частности отношения и чувства русских и кавказцев, представленных как некий знаковый маркер современной жизни Москвы. Рассмотрение данной проблемы

даст возможность углубиться в анализ «московского текста» исследуемого романа, выявить его природу и своеобразие.

Название произведения вовлекает читателя в интертекстуальную игру со знаменитым романом М. Ю. Лермонтова. Заявленная проблема последовательно решается на страницах текста, где показаны «герои своего времени». Еще одна составляющая заглавия – тема андеграунда, которая становится одним из ведущих лейтмотивов романа. Примечательно, что Р. С.-И. Семькина в художественном мире маканинского произведения выделяет несколько «слоёв» подполья: «Андеграунд духовный – племя интеллигентов, отказавшихся освящать советский строй, родственное внутренним эмигрантам, диссидентам, отступникам, – соотносится с подпольем социальным (общагой) и подпольем власти (следователей КГБ, врачей-психиатров)» [5, с. 92].

Нельзя не согласиться, что все эти «звенья» общества Москвы резко противопоставлены друг другу. Лагерь «духовного андеграунда» возглавляет главный герой произведения Петрович, «агэшник», «бомж», «непишущий писатель». К этой группе примыкают его друзья Вик Викыч, Михаил, брат Веня и осведомитель КГБ Чубиков. Каждый из них выделяется среди остальных, обладает чертами индивидуальности. Жители общежития, напротив, – собирательный образ типичных московских горожан, подчинённый ритму этого большого мегаполиса. Примечательно описание начала рабочего дня у жителей общежития: «Невыспавшиеся (я вижу), торопятся на работу женщины <...> мужики, что с ними рядом, серые, нечесаные, припухшие и без желания жизни. Мелкие, угрюмые люди, не способные сейчас шевельнуть ни рукой, ни мозгами <...> люди, как оболочки, пусты и продаваемые и, чтобы хоть сколько-то помнить себя <...> они должны бесперерывно и молча курить, курить, курить <...> им невыносимо <...> работать трудно; жить трудно; курить трудно <...> сколько покорности, сколько щемящей жалости в некрасивом уставшем народе» [3, с. 246].

С этой серой массой сливаются провинциалы, ищущие в Москве работу и лучшую жизнь: «В крыле «К» жили также люди, приезжие по найму: лимита» [3, с. 46]. Как оказывается, не коренного москвича мы находим и в лице главного героя Петровича, а выходящего с Урала, но уже полностью адаптировавшегося к столичной жизни.

Завершают образ московской «общаги» иностранцы (кавказцы, чеченцы, азербайджанцы, вьетнамцы). Отдельное внимания заслуживают отношения русских и кавказцев, чеченцев, проявившихся особо остро в главах «Маленький человек Тетелин» и «Кавказский след».

В главе «Маленький человек Тетелин» В. Маканин предлагает гоголевский сюжет «Шинели», но в новом варианте и с участием кавказцев. Современный Акакий Акакиевич покупает недорогие твидовые брюки «в самой ближней из азербайджанско-чеченских палаток – прямо на глазах и напротив входа в общагу» [3, с. 133]. Но брюки оказались ему длинны и вместе того, чтобы просто укоротить их, Тетелин сорится с кавказцами, а затем спустя несколько дней умирает от инфаркта. Причину остановки сердца Тетелина и продавцы-кавказцы, и жители общежития, и читатель воспринимают как ничтожную и абсурдную. На похороны в общежитие, где звучит «смех сквозь смерть» [3, с. 132] приходят по очереди и кавказцы «тихим бесшумным шагом искать мира» [3, с. 134]. Их действия направлены на поддержание согласия: «Кавказцы не держат зла. Добродушны. Тем более сейчас, когда за столом заявлен мир и они в кругу друзей. Они всех любят. Обнимаются. Целуются» [3, с. 137].

Следует особо выделить диалог Акулова и Ахмета: «– Брат... – говорил один. – Брат... вторил другой» [3, с. 134]. За сакральной гоголевской фразой скрывается уже не жалость и человеколюбие, а подлость и лживость, о чём было сказано ранее: «Акулов, бывший офицер, кланёт чеченов и кавказцев вообще» [3, с. 132]. С другой стороны, подчёркивается удачливость и сметливость кавказцев: «Акулов кончит тем, что еще через год пойдёт к этим самым кавказ-

цам сторожить их палатки по ночам. <...> Точно как у Сапунова. Тоже был боевой офицер» [3, с. 133].

Никто из жителей общежития не обвиняет продавцов-кавказцев в несчастном случае с Тетелиным, но об осторожном и скрыто-враждебном отношении к «киноверцам», можно догадаться из предусмотрительного поведения иностранцев: «Кавказцы почти не пили, а под завесой пылкости (вполне декоративной) чуть что настораживались: не приведёт ли, не дай бог, смерть Тетелина к массовой драке, к нацеленной ответной мести? или – еще хуже – к милицейской чистке?..» [3, с. 135-136]. Как видно, сосуществование в столице кавказцев и русских носит имплицитно-антагонистический характер, детерминированный сложной политической и социальной ситуацией в России в 90-е годы прошлого века.

Глава «Кавказский след» продолжает развивать тему этих отношений, достигая здесь своего апогея. Главный герой Петрович проецирует на себя растерянность и жалость одного из жителей общежития Гурьева («Инженера. В прямом и переносном смысле» [3, с. 157]), над которым посмеиваются продавцы-кавказцы. Чувство сострадания было подсказано ощущением сходной судьбы, ведь, как мы можем догадываться, и Петрович когда-то работал инженером, а теперь это «его прошлое, его боль, полупридуманый страдальческий тип» [3, с. 158].

И когда, сидя вечером на скамейке, какой-то кавказец забрал у него деньги, героем овладела жажда мести и за себя и за Гурьева: «А каково мне будет пережить еще и униженность? Завтрашний спрос с самого себя, чем и как оправдаюсь?» [3, с. 162]. Для Петровича акт убийства стал не способом самозащиты, но сохранения своего «я», чутко оберегаемого на протяжении всего романа. Причём, подвыпивший кавказец «был не столько грабитель, сколько человек, кичащийся своей силой. (Своим умением нагнать страх)» [3, с. 162].

Последующая развязка этого события похожа на развитие детектива с участием

сыщика с знаковым именем Порфирий. Но раскаяние героя по-достоевски не происходит, потому что Петрович воспринимает это столкновение как «дуэль, мы оба вынули ножи» [3, с. 198].

Как видим, отношения русских и кавказцев, чеченцев оказываются сложными и противоречивыми. В. Маканин раскрывает сущность такого социокультурного и политического феномена как «лица кавказской национальности», рождённого в 90-е годы прошлого столетия. Как результат, чувствознак определяет отношение и восприятие кавказцев «чужими» как враждебными «иными», виновников всех бед и несчастий. Играя с приёмами травести и бурлеска, автор обнажает порочность и безнравственность этого понятия, закрепившегося в сознании россиян.

«Братская» любовь сменилась на сломе эпох скрыто-враждебными отношениями и чувствами, заставляющими и русских, и кавказцев быть всегда готовыми к недружеству и розни. В. Маканин, умело фиксирующий эти эмоции на своём полотне «московского текста», заставляет задуматься об аксиологических и духовных ценностях отдельного человека и всего общества в целом. Подобные процессы и проблемы всегда задают вектор развития литературы и искусства.

Литература

1. Бондаренко В. Г. «Московская школа», или Эпоха безвременья : Критические статьи / В. Г. Бондаренко. – М. : Столица, 1990. – 272 с.
2. Калашникова О. Л. Как и какими мы вышли из гоголевской «Шинели»? (версия В. Маканина) / О. Л. Калашникова // Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя : Девятые Гоголевские чтения : Сб. докл. междунар. науч. конф. – М. : АНО «Фестпартнер», 2010. – С. 355-361.
3. Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин – М. : Гелеос, 2008. – 608 с.
4. Селеменова М. В. Художественный мир Ю. В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века : Дис. доктора филолог. наук / М. В. Селеменова. – М., 2009. – 575 с.
5. Семькина Р. С.-И. Локусы подполья в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» / Р. С.-И. Семькина // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. – № 4. – 2008. – С. 87-92.